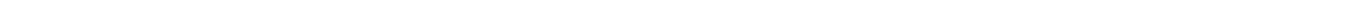

«Der Unbeugsame – Несгибаемый»

ELFRIEDE BRUMSACK

DER UNBEUGSAME

Ein Leben zwischen
Verfolgung und
„Wiedergutmachung“

HENTRICH
& HENTRICH

Эта рецензия не претендует на особый профессионализм. Я пишу её как обычный читатель, которого книга по-настоящему задела. Во время чтения у меня снова и снова всплывали ассоциации как с моей семейной историей, о которой писал наш сайт в статье «Моё еврейское местечко»

(<https://bote-ol.de/2024/11/gromoklei-de/>), так и с семейной историей Якуба Заир-Бека, также опубликованной на нашем сайте (<https://bote-ol.de/tag/sage-zyb-de/>). Иногда прошлое не лежит на поверхности: его приходится буквально собирать по кусочкам из архивных записей, из обрывочных воспоминаний, из старых фотографий, из уцелевших семейных вещей. Именно поэтому этот текст будет не «разбором по правилам», а разговором о том, почему книга оказалась мне так близка. Книга показывает, как личная судьба переплетается с бесконечными письмами, справками, решениями и формальностями, как долгим становится путь к признанию и справедливости, то, что в Германии называют „Wiedergutmachung“.

Итак, речь идёт о книге Elfriede Brumsack „Der Unbeugsame. Ein Leben zwischen Verfolgung und ‚Wiedergutmachung‘“, издательство Hentrich & Hentrich, 2023 (ISBN 978-3-95565-618-8)

<https://www.hentrichhentrich.de/buch-der-unbeugsame.html> . Название книги можно перевести на русский язык как «Несгибаемый. Жизнь между преследованием и „восстановлением справедливости“». Читатели могут найти отрывок из книги на личном сайте автора по адресу <https://elfriede-brumsack.de>.

1. Личное восприятие и главный герой

Автор книги, Эльфрида Брумзак, живёт в Ольденбурге, что вызывает у местного читателя особое внимание к этой книге и невольно добавляет при чтении личное отношение. Читая эту книгу, я всё время ловил себя на мысли, что эта история важна не только как рассказ о прошлом. Она показывает, что после Шоа жизнь не остановилась, но для героя книги она приобрела другую форму: письма, заявления, походы по инстанциям, ожидание ответов, попытки восстановить факты и вернуть хотя бы часть того, что было отнято. И главной целью в этом было добиться признания того, что произошло. Именно этот «второй слой» книги, являющийся административно-бюрократическим, растягивается на годы и делает эту книгу особенно сильной. Читатель видит, как память и справедливость превращаются в длинную дорогу, где человеку приходится снова и снова доказывать очевидное. Наверное, поэтому книга так легко перекликается с тем, что знакомо многим еврейским семьям, независимо от страны происхождения: когда остаются не только воспоминания, но и пустоты; когда семейную память дополняют сухая архивная запись одной строкой, обрывок чужого свидетельства или случайно найденная фотография. Прошлое приходится собирать из фрагментов, потому что были уничтожены не только люди, но и порой всё, что было с ними связано. Книга Эльфриды Брумзак помогает увидеть, что даже после окончания войны и освобождения борьба за правду не прекращается.

Юлиус Брумзак. 1932. Источник: личный архив семьи Брумзак

В центре книги мы видим Юлиуса Брумзака. Он пережил Холокост и после освобождения пытается заново выстроить свою жизнь, но одновременно его не отпускает то, что случилось с его семьёй и с тем миром, который был разрушен. Для него «после» не становится спокойной страницей в жизни. Оно превращается в поиск следов, в сбор доказательств, в попытку по крупицам восстановить цепочку событий и добиться признания утраты. Вопрос «что произошло на самом деле?» не позволяет герою успокоиться. При этом важно, что Юлиус живёт как будто в двух измерениях сразу. С одной стороны, он пытается строить новую повседневность: работа, дела, семья. С другой стороны, рядом постоянно идёт второй поток: письма, заявления, архивы, разговоры, поиски, бюрократические

лабиринты. В этом двойном движении и возникает главный лейтмотив книги: герой упорно пытается вернуть смысл, имя и справедливость тому, что было отнято и словно растворено в войне. В связи с этим название книги точно задаёт её главную линию: жизнь героя проходит «между» двумя реальностями. Первая – это преследование, которое разрушает привычный порядок, лишает людей прав, работы, собственности, безопасности, а в итоге и самой жизни. Вторая – то, что после войны называли словом „Wiedergutmachung“: попытка «возместить», «исправить», «признать» причинённый ущерб. Но книга показывает, что это слово звучит обманчиво просто. На деле «возмещение» оказывается многолетним процессом, где человек вынужден снова и снова доказывать то, что для него является очевидным. Было преступление и была утрата, теперь ответственность за это должна иметь своё место в жизни общества.

Именно в этой связке – «было сделано зло» и «попробуй теперь докажи и добейся признания» – раскрывается главное напряжение книги. Преследование не заканчивается полностью с освобождением от режима, оно как будто продолжается в другой форме: в бумагах, формулировках, решениях, сроках, отказах и полупризнаниях. Поэтому книга читается не только как история человека, пережившего Холокост, но и как рассказ о послевоенной реальности, где справедливость показана не как само собой разумеющееся, а как тяжёлая работа и испытание.

2. „Wiedergutmachung“ и послевоенная реальность

Юлиус Брумзак, 2009. Источник: личный архив семьи Брумзак

Важная особенность книги в том, как она сделана. Это не «роман по мотивам» и не пересказ биографии в свободной форме. Автор строит повествование так, что читатель постоянно чувствует под ногами твёрдую почву фактов: письма, справки, ответы ведомств, выписки, решения, упоминания дел и дат. Документы здесь не просто «приложение к книге», а часть самой истории. Они задают тон,

показывают язык эпохи и объясняют, почему для героя всё растягивается на годы. За каждым пунктом стоят подтверждения, за каждым событием – запись, за каждой утратой – попытка назвать и описать её в формулировках, которые примет система. При этом документальность не превращает книгу в сухой архив. Наоборот, рядом с официальными словами возникают живые детали – фотографии, приметы быта, небольшие вещи, которые возвращают происходящее в человеческий масштаб. В результате получается особая форма рассказа: личная судьба показана через «бумажную» реальность послевоенного времени, где память и правда существуют не только в воспоминаниях, но и в делах, папках, официальных ответах. Этот монтаж живого и канцелярского делает книгу убедительной и по-своему напряжённой.

Одна из самых сильных особенностей книги – это постоянный поиск следов. Юлиус не просто вспоминает и переживает, он действует: пишет запросы, собирает ответы, сравнивает сведения, возвращается к одним и тем же именам и адресам, пытается восстановить цепочку событий. По сути, он ведёт своё собственное расследование – не ради сенсации и не ради мести, а ради ясности. Его цель – назвать факты своими именами и понять, где и как оборвалась жизнь его семьи. В этом поиске чувствуется не холодная юридическая логика, а человеческая необходимость: если не искать, всё может просто раствориться в небытии и равнодушии. Именно здесь становится понятно, почему книга так цепляет. Она показывает, что память – это не только чувство, но и работа. Иногда очень тяжёлая и унижительная работа, потому что человеку приходится снова и снова обращаться туда, где отвечают сухими формулировками, переносят сроки, просят дополнительные подтверждения. Но именно такой упорный «поиск следов» и делает героя «unbeugsam – негибким». Он не позволяет прошлому исчезнуть бесследно и не соглашается на удобное молчание.

Самый болезненный и, пожалуй, самый сложный момент книги раскрывается там, где речь идёт о самой „Wiedergutmachung“. Автор показывает не только длительность процедур и сухость формулировок, но и то, кто именно часто решал судьбу таких дел. В книге прямо возникает парадокс: по закону предполагалось, что председатель или один из судей в делах о компенсации должен принадлежать к кругу преследуемых, но в случае Юлиуса это не сработало и автор формулирует это предельно жёстко: судьи, которые рассматривали его дело, были «из круга преследователей». Причём эта тема становится конкретной и появляются имена, биографические детали, карьерные детали. Например, описывается судья, который, несмотря на свою вовлечённость в нацистские структуры, после войны продолжил свою карьеру и, уже работая в Целле, рассматривал как раз дела о „Wiedergutmachung“, в том числе и дело «Land Niedersachsen gegen Brumsack», где он фигурирует как председательствующий судья. Именно в таких местах ясно, почему слово „Wiedergutmachung“ у автора звучит с внутренним напряжением: для героя это не «исправление», а новая форма борьбы – теперь уже не за жизнь, а за право на правду, признание и элементарную справедливость.

3. Память и вывод для читателя

Параллельно с тяжёлой бюрократической линией в книге постоянно звучит другой

мотив – обычная жизнь, которую герой всё-таки строит, несмотря ни на что. Важно отметить, что автор не сводит Юлиуса к роли человека, который только пишет заявления и борется за признание. Рядом с делами, письмами и судебными решениями мы видим бытовые и семейные заботы, попытку снова встать на ноги и просто жить. Этот слой не «разбавляет» трагедию и не делает её легче: он показывает, что время после Шоа – это не одна победная точка, а ежедневная работа, где человек одновременно борется за будущее и не отпускает прошлое. Именно поэтому книга воспринимается так объёмно. В ней рядом существуют два потока: жизнь, которая идёт вперёд, и память, которая тянет назад и требует ответа. Иногда они будто мешают друг другу, но чаще дополняют: семья и работа дают силы продолжать борьбу, а борьба не позволяет построить новую жизнь «на пустом месте», будто ничего не было. Этот параллельный ритм – между бытом и памятью, между делом и делами – делает книгу особенно человеческой. Она показывает не героическую позу, а упорное, иногда упрямое, но очень живое возвращение к жизни.

В книге особенно заметен выбор тона и языка. Автор пишет без лишнего пафоса и не пытается давить на читателя эмоциями «в лоб». Вместо этого она снова и снова возвращает нас к конкретным датам, формулировкам, письмам, деталям дел, к именам. Такое письмо может показаться строгим, но именно оно вызывает доверие: читатель понимает, что перед ним не общие рассуждения, а аккуратно собранная история, где каждое утверждение опирается на источник. При этом в тексте есть и другой регистр – человеческий, почти бытовой. Он появляется там, где речь идёт о семье, о повседневности, о вещах, которые обычно не попадают в официальные документы, но многое объясняют. Благодаря этому книга читается живо: она держит баланс между документами и жизнью.

Если читать книгу внимательно, начинаешь особенно остро чувствовать роль вещей – маленьких предметов, на первый взгляд незначительных, но таких, которые переживают людей и времена. В „Der Unbeugsame“ постоянно ощущается, что память держится не только на семейных рассказах, но и на сохранившихся фотографиях, на предметах, которые случайно уцелели и потому становятся почти доказательством того, что всё это действительно было. Когда вокруг так много утрат и так много пустот, именно такие вещи помогают удержать связь между «тогда» и «сейчас». Наверное, поэтому во время чтения мне вспомнилась история нашей семейной мезузы. Внутри неё когда-то был пергамент с молитвой «Шма Исраэль», но сам пергамент не сохранился – остался только бронзовый футляр. Осталась и память о том, как этот предмет переходил в нашей семье из рук в руки и как он оказался в Германии. Сегодня эта мезуза с новым пергаментом внутри снова охраняет вход в мой дом. Это, конечно, совсем другой масштаб и другая форма опыта, но логика похожая: когда многое исчезает, важными становятся небольшие материальные вещи, которые помогают человеку не потерять нить. Они не заменяют людей и не «исправляют» прошлое, но дают точку опоры. Иногда именно через такие предметы семейная история перестаёт быть абстракцией и становится чем-то живым.

שָׁדָד

וַיְבָרֵךְ

Семейная реликвия. Мезуза, прикрепленная у входной двери дома автора этой статьи.

Источник: личный архив семьи Гольдварг

פ'י'ן

Er kam zurück

JULIUS BRUMSACK

19. 1. 1915

22.10.2011

ח'י' צ'ב' ה'

Надгробие Юлиуса Брумзака. Надпись: «Er kam zurück» («Он вернулся»)
Источник: личный архив семьи Брумзак

Думаю, важно уточнить, что книга „Der Unbeugsame“ не из тех, которые читаются «легко и быстро». В ней много деталей, дат, ссылок на документы, писем и решений. Это требует внимания: иногда хочется перечитать абзац ещё раз, чтобы не потерять нить – кто кому писал, какой орган отвечал, в какой момент дело поворачивалось в другую сторону. Но это не недостаток и не «перегруз». Скорее, это часть честности книги: иначе нельзя показать, как именно выглядела послевоенная реальность, где судьба человека буквально распадается на папки, формулировки и пункты. Кроме того, материал книги эмоционально тяжёлый. Здесь нет попытки смягчить тему или сделать её удобной. Автор пишет сдержанно, но именно эта сдержанность иногда действует сильнее любых эффектных слов. Поэтому, возможно, книгу стоит читать не «залпом», а с паузами. Это помогает понять, почему путь к признанию и справедливости нередко оказывается длинным и мучительным, почему для некоторых людей он становится продолжением борьбы уже после того, как война формально закончилась. Надпись на надгробии Юлиуса Брумзака «Он вернулся» заставляет читателя в конце книги задуматься и еще раз осознать, что целью возвращения главного героя было сохранение памяти.

Эту книгу я бы рекомендовал тем, кто хочет понять, как была устроена жизнь «после» – после Шоа, после освобождения, после формальной победы. Понять не в общих словах, а в конкретных человеческих шагах: письмах, делах, решениях, в попытках восстановить имена и факты, вернуть достоинство памяти и добиться признания утраты. „Der Unbeugsame“ может быть особенно важен для тех, кто занимается семейной историей и сталкивается с тем, что прошлое хранится и в семейных рассказах, и в архивах, справках, делах – там, где за сухой строкой стоит целая жизнь. Мне кажется, книга будет близка и тем читателям, которые просто интересуются тем, как на самом деле выглядел процесс „Wiedergutmachung“ – не на словах, а на практике: кто принимал решения, как строились процедуры, почему всё растягивалось на годы. Но в то же время это чтение выходит далеко за рамки одной страны: оно узнаваемо для многих еврейских семей в разных местах мира, где память тоже приходится собирать по фрагментам. И, пожалуй, главное: книга напоминает, что справедливость – это не только итог, но и путь, и иногда этот путь становится частью человеческого достоинства.

„Der Unbeugsame“ – это книга о том, как после Шоа борьба за правду и признание продолжается уже в письмах, делах и бесконечных процедурах. Она показывает, что немецкое понятие Erinnerungskultur (культура памяти) начинается не с громких слов и больших лозунгов, а с конкретных шагов и ответственности, с готовности сохранять память там, где прошлое пытаются свести к формальностям.

Автор: Павел Гольдварг

Изображения из архива семьи Брумзак и из архива автора
